

Королевы
и
МОНСТРЫ:
Клятва

ДЖ. Т. ГАЙСИНГЕР

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г14

J. T. Geissinger
BRUTAL VOWS (Queens & Monsters #4)

Text Copyright: © 2022 by J. T. Geissinger, Inc.
All Rights Reserved

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© jaymadison / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

В дизайне внутреннего блока использованы элементы оформления:
© mdfruk / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM
Cover design by Lori Jackson Design

Перевод с английского *Таисии Масленниковой*

Гайсингер, Дж. Т.
Г14 Королевы и монстры. Клятва / Дж. Т. Гайсингер ; [перевод с английского Т. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-235261-4

Рейна не позволит своей невинной племяннице Лили стать разменной монетой в игре её брата за власть. Договорной брак с ирландской мафией? Союз Пяти Семей? Ей плевать. Она знает, что такое быть проданной, и не допустит повторения.

Спайдер — безжалостный ирландский босс, который должен жениться на Лили ради сделки. Но с первой встречи он не может оторвать глаз от её тётки — дерзкой, опасной Рейны, готовой перегрызть ему глотку.

Она ненавидит его. Он одержим ею. Между ними — контракт, который нельзя нарушить, племянница, которую нужно защитить, и притяжение настолько сильное, что грозит испепелить всё вокруг.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-235261-4

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

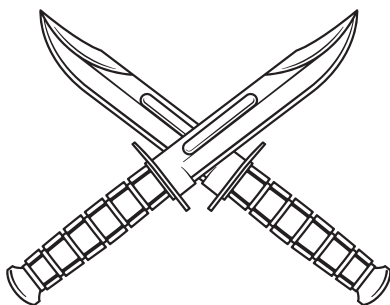
Джею, моему «долго и счастливо».

Иной раз хорошая виселица
предотвращает плохую женитьбу.

Уильям Шекспир

ПЛЕЙЛИСТ

- «Enemy» Imagine Dragons
- «Angry Too» Lola Blanc
- «Black Widow» Iggy Azalea
- «Cold Little Heart» Michael Kiwanuka
- «Wicked Games» G-Easy
- «Shivers» Ed Sheeran
- «Woman» Mumford & Sons
- «Fall Into Me» Forest Blakk
- «Mrs.» Leon Bridges
- «The Joker and The Queen» Ed Sheeran/Taylor Swift
- «Him & I» G-Easy & Halsey
- «Kings & Queens» Ava Max

РЕЙ

Уногда груз воспоминаний душит своей тяжестью.

Вот сейчас, например. Я стою напротив дубового стола своего брата в его громадном кабинете, обшитом деревянными панелями, и смотрю ему в лицо, пытаюсь не задохнуться из-за стиснувшей мои легкие невидимой руки. В горле у меня застрял камень, а в желудке крутятся комки желчи.

Все это неизбежно происходит каждый раз, когда в моем присутствии произносят слово «брак».

Ни одно матерное слово из трех букв не звучит столь же гадко.

Смутившись под моим взглядом, Джанни упирается в стол. Требит края коврика для ноутбука, потом оттягивает пальцем воротник строгой белой рубашки.

— Не смотри на меня так. Ты знала, что это случится. Лили уже выросла.

— Ей стукнуло восемнадцать две недели назад! Господи! А как же колледж? Ты обещал подумать об этом.

Мой брат поднимает голову, и мы встречаемся взглядами. У него глаза отца — угольно-черные и безжизненные. Все вокруг считают их — и его самого — жуткими.

Но отца я не боялась, как не боюсь и старшего брата. Если на то пошло, то и никого другого. После того, через что я прошла,

сам дьявол может явиться за моей душой, а я скажу ему поцеловать меня в зад и валить обратно в ад.

Джанни отвечает:

— Нет, это ты настояла на том, чтобы я об этом подумал. И как всегда, раз ответ тебе не понравился, ты его проигнорировала.

Когда я молча смеряю его взглядом, он прибавляет:

— Я проверил его. Он не Энцо.

От звука имени моего покойного мужа меня пробивает дрожь. Болтающаяся в желудке желчь обжигающей струей подступает к горлу. На несколько секунд застываю на месте, стараясь вернуть равновесие. А потом начинаю расхаживать взад-вперед, чтобы удержаться от истерики.

Джанни молча смотрит на меня. Он пробует зайти с другого края:

— Мы получим территории. Торговые пути. Важных союзников, в которых так отчаянно нуждаемся. Этот альянс принесет внушительные деньги. По меньшей мере десятки миллионов. Может быть, тысячи.

— Ты говоришь как сутенер, — бормочу в ответ.

Он только отмахивается.

— Не говоря о том, какое влияние мы приобретем на другие семьи. Ты знаешь, как отчаянно все хотят объединиться с ирландцами. Если мы это провернем, меня окрестят капо. Ставки огромны, Рей. Мы сможем закрепить семейное положение на много поколений вперед.

— Ты постоянно повторяешь «мы» и «нам». Но я не хочу иметь никакого отношения к продаже в рабство собственной племянницы.

С наигранным терпением он цедит:

— Лили всегда было суждено вступить в выгодный для семьи брак. Ты это знаешь. Она это знает. Все это знают. Это не новость.

— Она еще ребенок, — отрезаю, смотря брату прямо в глаза.

— В восемнадцать она уже взрослая. Ты была на два года младше, когда вышла замуж.

Я с горечью отвечаю:

— Да. И смотри, как все замечательно вышло.

Он морщится.

— Ты унаследовала состояние Энцо. Получила свободу. Я бы сказал, в итоге для тебя все довольно замечательно вышло.

— Ты очень удобно опустил жуткую мясорубку между нашей помолвкой и его смертью.

— Лили — не ты, Рей.

— Нет, она моя племянница. И моя крестная дочь. Милая и умная девочка, какой нет равных. Она не заслуживает выйти замуж за ужасного старого ирландца!

— Он не старый.

— И от него будет разить вареной капустой!

— Гарантирую тебе, что от него ничем таким не пахнет.

— И он точно ненормальный! Мужчина, который хочет жениться на подростке, *должен быть* извращенцем!

Джанни уже явно раздражен и хочет поскорее закончить перепалку. Стараясь не повышать голос, брат отвечает:

— Не думаю, что он из любителей детской порнографии, но сама посудишь. Он будет здесь с минуты на минуту.

Волна отвращения пробегает по телу.

— Он придет сюда?

— Чтобы познакомиться с Лили.

— Сейчас?

— Да.

— Почему ты говоришь мне о брачном контракте за секунду до того, как этот ирландец окажется в нашем доме? — с подозрением спрашиваю я.

Выдержав паузу, он осторожно отвечает:

— Я знаю твой характер. Показалось неплохой идеей дать тебе минимум времени, чтобы ты не начала крушить все вокруг.

Это действительно может быть причиной, но мне прекрасно понятно, что не главной. Маневры моего брата стали для меня предсказуемы.

— Сукин ты сын. Лили до сих пор не знает, да?

Джанни встает из-за стола. Подходит ко мне, пригладив рукой свой пошитый на заказ темно-синий пиджак. Встает напротив и нежно берет за плечи.

— Может, ты ей скажешь?

— Я убью тебя на месте, — безэмоционально говорю я.

Он всматривается в мое лицо, а потом опускает руки и делает шаг назад.

Умный ход.

— Поэтому я и не говорил тебе раньше. Мне жаль, что этот процесс вызывает у тебя неприятные воспоминания, но он уже запущен. Все условия обсуждены. Ирландцу осталось только познакомиться с Лили. Если она ему понравится, будет подписан контракт и назначена точная дата.

Он не уточняет, что произойдет, если Лили вдруг ему не понравится, но я знаю — будет плохо. Для Джанни даже провал меньшего масштаба непростителен.

— А ее *zia* объяснит ей, что это к лучшему, и что семья всегда на первом месте, и что, если ее муж будет хоть чем-то напоминать Энцо, он тоже окажется жертвой безвременной гибели, — мягко объясняет он. — Тщательно спланированной гибели без свидетелей и улик. Настолько идеально подстроенной «случайной» гибели, что полиция не догадается.

— Я не убивала своего мужа, — немедленно парирую я.

Джанни улыбается.

— В жизни не встречал человека, который бы врал так же хорошо, как ты.

— Это дар.

Его улыбка становится шире.

— Один из многих.

— Хватит меня подмасливать, чтобы я сделала за тебя грязную работу.

— Меня она не слушает, Рей. Ты знаешь, какая она.

— Да, мужчины в этой семье рвут на себе волосы, когда у женщин оказывается своя голова на плечах.

Джанни хочется горестно вздохнуть, но он сдерживается. Он неподвижно стоит и умоляюще смотрит на меня, выжидая, когда я пойду на попятную.

Не то чтобы у меня есть выбор. Как глава семьи Карузо, Джанни вынужден принимать все решения. Однажды во главе одной из пяти криминальных итальянских семей Нью-Йорка встанет женщина. Моя мечта — прожить достаточно долго, чтобы это увидеть. До этого момента все, что я могу, — распростра-

нить свое влияние как можно дальше. Помогает то, что брат меня боится.

— Финальное решение буду принимать я. Лили я объясню ситуацию, но, если этот ирландец мне не понравится, сделка отменяется.

Джанни проводит языком по зубам. Наверное, он сейчас считает в голове до десяти или грязно ругается, мечтая, чтобы у него была такая же сестра, как у его лучшего друга Лео. Кроткая, недалекая девочка, не имеющая своего мнения ни по каким вопросам кроме тех, на которые ей указывают отец и брат.

А у него вместо этого — я.

Женщина с плохой репутацией, обозленная на весь мир и с жалом вместо языка.

— Согласен? — наседаю на него я.

— На твой вкус, для нее все недостаточно хороши, — резонно замечает он. — Мы будем заводить этот разговор снова и снова еще лет двадцать.

— Неправда. Я могу быть разумна.

Он приподнимает бровь.

— Не делай такое лицо. Мне надо удостовериться, что он не монстр.

— Уверяю, он не монстр.

— Энцо тебе тоже когда-то нравился.

Джанни кривится.

— Энцо был социопатом. У таких хорошо выходит прикидываться очаровательными.

— Вот именно. Поэтому последнее слово должно быть за мной. Если кто и может учуять психа за километр, так это я.

С этим он не спорит. Да и как? Это правда. Мне мой монстр-радар тяжело достался.

Джанни так долго глядит на меня с непроницаемым выражением, что мне начинает казаться, будто со мной что-то не так. Но потом он удивляет меня, заявив:

— Ладно. Если тебе не понравится ирландец, свадьба отменяется.

Меня переполняет облегчение. Выдыхая, киваю в ответ.

— Но ты все равно должна сказать Лили.

Услышав хруст гравия под шинами на подъездной дорожке, мы с Джанни поворачиваемся к окну. Он весело прибавляет:

— Видимо, тебе придется поторопиться.

У меня уши горят от злости.

— Ты паршивый отец, Джи.

Он пожимает плечами.

— Это наследственное.

Разворачиваюсь и ухожу, прежде чем успеваю схватить нож для писем с его стола и сделать то, о чем потом пожалею.

Перепрыгивая через две ступеньки, влетаю на второй этаж. На площадке резко поворачиваю налево, в коридор, в противоположную от собственной спальни сторону. По пути меня провожают взглядом мрачные масляные портреты наших предков в золотых рамах. Не обращая внимания на мелькающие мимо фрески ручной работы, на сверкающие над головой люстры венецианского стекла, на испуганную домработницу, протирающую листья пальмы в кадке, быстро иду к комнате в самом конце.

Нельзя терять ни минуты.

Останавливаюсь напротив массивной дубовой двери и бью в нее кулаком.

— Лили? Это я. Можешь впустить? Нам надо поговорить.

— Погоду секундочку, *zia!* Я... Я сейчас.

Голос Лили из-за двери звучит сдавленно. И напуганно. Может, она уже знает. Моя племянница очень умна для человека, которого всю жизнь прятали от мира.

Из-за двери слышна какая-то возня, потом глухой удар. Обеспокоенно прижимаюсь ухом к двери.

— Лили? Все в порядке?

Через несколько долгих, тихих мгновений моя племянница открывает дверь.

Ее щеки горят. Длинные темные волосы растрепаны. Белая смятая футболка наполовину выбилась из черных штанов для йоги. Босоногая, она выглядит потерянной, будто только что проснулась, хотя сейчас четыре часа дня.

— Извини, ты спала?

— Эм... Занималась.

Через плечо она указывает на телевизор, висящий на противоположной стене. На экране делает прыжки женщина в розовом спандексе.

— Я хотела бы продолжить, если не возражаешь.

Лили уже собирается закрыть дверь, но я протискиваюсь в комнату.

— Это срочно.

В ее спальне перебор с декором, как и в остальном доме. Нет ни сантиметра свободного пространства, где мог бы отдохнуть глаз: повсюду бархат, позолота, зеркала, пестрые обои, деревянная резьба и витражи. Но здесь хотя бы преобладают приглушенные розовые и зеленые тона. Моя спальня — это нагромождение черного, бордового и золотого. Выглядит как бордель в Ватикане.

Покойная жена Джанни была большой поклонницей католической школы дизайна. Она умерла, рожая Лили, но ее уникальный вкус в интерьере остался с нами навсегда.

Хватаю пульт с комода, нажимаю на кнопку и ставлю телевизор на беззвучный. Потом снова поворачиваюсь к Лили. Она стоит на том же самом месте и явно нервничает.

— Что такое, *zia*?

— Аккуратно сформулировать это нельзя, так что я просто скажу.

Когда она начинает заламывать руки, я говорю:

— Наверное, тебе лучше присесть.

— О господи. Кто умер? Это бабуля?

— С бабушкой все в порядке. Она заключила сделку с дьяволом, чтобы перед смертью своим характером свести в могилу всех нас. А теперь послушай, у нас не так много времени...

Подхожу к ней, беру ее руки в свои и заглядываю в глаза:

— Я должна тебе кое-что сказать. Тебе это не понравится.

Ее лицо бледнеет.

— О, черт.

— Да. И ты знаешь, как я отношусь к ругательствам.

— Судя по твоему лицу, в ближайшие несколько минут они не остановятся.